

Ф. М. Достоевский – 200 лет со дня рождения
Восприятие его творчества в Норвегии сто лет тому назад

Эрик Эгеберг

И сто лет тому назад праздновался юбилей Достоевского, и в связи с этим вышли в 1922 году в Норвегии две книги, каждая по-своему относящаяся к юбилею писателя. Сочинения эти принадлежат к разным родам литературы, но обе книги что-то существенное говорят об отношении норвежской публики к писателю Федору Достоевскому.

Из этих книг первая является научным трудом: *Сочинения молодого Достоевского*, за который автору, лектору Мартину Грану, в следующем году была присвоена степень доктора философии (Gran 1922). Его книга довольно коротка (155 стр.), и обсуждаемый им литературный материал также необъемист. Далее, нельзя сказать, чтоб диссертация Мартина Грана содержала глубинный анализ творчества Достоевского в данный период его жизни. Если так, то зачем останавливаться на этой небольшой книге? Ответ прост: книга Грана является первой норвежской докторской диссертацией в области славянской филологии, а также первым звеном в цепи норвежских работ о русском писателе, со временем достигающей значительной длины. В заключение следует добавить, что книга Грана вообще является одной из первых попыток осмыслить раннее творчество Достоевского.

Вторая книга написана молодым студентом Эриком Крагом, которому в 1922 году исполнилось 20 лет. Его книга не представляет собой, как можно было ожидать, ученой работы; молодые выпускники гимназии вообще редко пишут диссертации на соискание докторской степени. Если молодые люди вообще пишут, то чаще всего стихи или романы, издательства для которых им, однако, редко удается найти. Молодому Крагу это удалось; ему, может быть, помогло то, что его покойный отец, Томас Петер Краг, в свое время был известным писателем-романистом. Но главное в другом: книга Эрика Крага на самом деле достойна издания, хотя она, наверное, не принесла кассе

издательства Гюльдендалъ больших прибылей (впрочем, как и книга Грана, изданная той же фирмой).

Оттар Врейке название книги Крага (Krag 1922), и «Оттар Врейке» также имя его героя. Среди тех, кто читал роман, и его и его героя иногда в шутку называют «Раскольников с улицы Маридаальсвейен», чем и объясняется связь Крага с Достоевским. Связь эта, однако, так очевидна, что автор на склоне лет своей жизни не хотел включить в список своих письменных работ свой первый и единственный роман. Тем не менее, как показатель направления влияния Достоевского на норвежскую литературу роман Эрика Крага достоин внимания.

Естественно, самые отчетливые пункты соприкосновения обнаруживаются между романом Крага и *Преступлением и наказанием*, тем романом, который чаще всего открывает для норвежского читателя мир Достоевского. Уже первые строки *Оттара Врейке* звучат как эхо Достоевского: «Он жил в маленькой каморке на третьем этаже огромной наемной казармы в отдаленной части Маридаальсвейена» (Krag 1922, 7). А о Родионе Раскольникове читатель сразу узнает: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке» (Достоевский 1973, 5). И не только жилье убого, но и окрестности непривлекательны, хотя небольшой город Кристиания (Осло) не может сравниться с миллионной столицей Петербургом. Перед Врейке открывается такое зрелище: «Из окна виден грязный двор, где все лето висело сушиться полумытое белье, и дети, еще грязнее, метались и кричали, как могут кричать только дети». (Krag 1922, 5). О жилом районе Раскольникова Достоевский пишет:

Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрели иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой. (Достоевский 1973, 6)

Дурные черты окрестностей характерны не только для первых страниц обоих романов, а повторяются и варьируются в течение всего происходящего.

Описания среды редко воспринимаются изолированно, а видятся в связи с представленными персонажами, чаще всего с героем рассказа, который или контрастирует с окружающей его средой, или более или менее гладко входит в нее. Последний вариант мы находим и у Достоевского и у его молодого норвежского ученика. О герое романа Крага говорится:

В маленькой каморке жил студент и учитель языка Оттар Врейке. Каждый день он должен был пройти долгий путь в школу и обратно. На кафедре ему то и дело приходилось пользоваться указкой, и сильное и горькое чувство говорило ему, что об учительской скамье не было пропето у его колыбели. Ни его ученики, ни коллеги не относились к нему с должным уважением – и чего можно ожидать? Разве не был ли он самый несговорчивый из людей; весь раздражительный как обнаженный нерв, замкнутый, ушедший в себя, как бы покрытый непроницаемой броней? (Krag 1922, 7–8)

В душе Родиона Раскольникова царит подобное настроение:

Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. (Достоевский 1973, 5)

Что оба студента испытывают неприятности в общении с хозяйкой, само собою понимается, но оба писателя особо подчеркивают этот факт. – Кrag: «Толстая, неряшливая мясничиха, каждое утро по обыкновению приносящая ему кофе – как он ненавидел ее шлепающие шаги и неотвязчивый голос!» (Krag 1922, 8) – Достоевский:

Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти приставаания о платеже, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал. (Достоевский 1973, 5–6)

Эти молодые раздражительные, замкнутые в себе люди тратят много времени на размышления о собственных впечатлениях, ощущениях и чувствах.

Он, однако, чувствовал себя очень усталым и сразу же задремал. Но вряд ли долго спал, пока не проснулся от неясного ощущения, будто кто-то сидя пристально смотрит на него. Сначала он думал, что страдает от дурного сна, но то лицо, что теперь смотрит на него, это то же лицо, что показалось ему во сне [...] (Krag 1922, 43)

пишет Кrag об Оттаре Врейке. О своем же герое Достоевский сообщает:

Сам Раскольников все время лежал молча, навзничь, и упорно, хотя и без всякой мысли, глядел на вошедшего. Лицо его, отвернувшееся теперь от любопытного цветка на обоях, было чрезвычайно бледно и выражало необыкновенное страдание, как будто он только что перенес мучительную операцию или выпустили его сейчас из-под пытки. Но вошедший господин мало-помалу стал возбуждать в нем все больше и больше внимания, потом недоумения, потом недоверчивости и даже как будто боязни. (Достоевский 1973, 112)

Мы здесь стоим у одного из самых важных пунктов соприкосновения не только между романами о студентах Раскольникове и Врейке, но и между творчеством Достоевского в целом с одной стороны, и норвежской литературой с другой, в особенности литературой тех лет, когда Краг писал свой роман. И другие авторы рассказывали своим читателям о впечатлениях героя и о его реакции на них, но Достоевский и его последователи ведут рассказ с необыкновенной полнотой деталей. Теперь описываются не только ясные мысли и острые ощущения, автора занимают особенно неясные области, находящиеся между мыслью и чувством, а дальше по намеченной линии – между явью и сном, сознанием и подсознанием. Когда речь идет о влиянии Достоевского на норвежскую литературу (и не только на нее), в центре внимания находится в первую очередь *психолог* Достоевский, тончайший исследователь движений человеческой души. А наследие *идеолога* Достоевского, творца персонажей, одержимых губительными (и очень редко спасительными) идеями, гораздо труднее освоить.

Оттар Врейке, наверное, самый яркий пример влияния Достоевского на одного норвежского писателя. Но роман Эрика Крага также содержит многое, что не взято у русского учителя. Молодой Врейке не такой же бедный, безработный студент, как Раскольников. Далее, у него нет и следа очарования Наполеоном, напротив, есть стремление «стать христианином» (тут вдохновителем Крага, кажется, является Сёрен Киркегор, цитата которого взята для эпиграфа романа). Но идейный мотив гораздо слабее подчеркнут у Крага, чем у Достоевского. Правда, и Оттар Врейке – убийца, но повод к его преступлению не идеологического характера, а следствие общего раздражения, разлада со средой и неудачного соперничества с его другом Эйстейном Фрейле.

Когда Эрик Краг писал свой роман, он уже был начитанный молодой человек. Он знал не только Достоевского, чье имя упоминается в *Оттаре Врейке*, но и других европейских и русских писателей. О его знании русского языка говорит курьезный факт – приведение в сплошном норвежском тексте стиха из «Пророка» Пушкина, даже напечатанного кириллицей. Но не менее важно для Крага было чтение норвежской литературы, ибо и до него Достоевский успел оказать воздействие на норвежских

писателей. Из них самый известный – Кнут Гамсун, который только редко признавал влияния от других писателей, но открыто объявлял себя учеником Достоевского. Но в случае Эрика Крага особый интерес представляет другой писатель, а именно сегодня почти забытый Сигурд Матисен, о котором мы знаем, что Краг специально занимался его творчеством (Krag 1923). Роман Матисена *Хиде Унас* (Mathiesen 1902) (как у Крага произведение и герой здесь носят одно и то же имя) начинается так:

В понедельник около половины второго часа пополудни Хиде Унас шел домой в странно растерянном настроении. Время от времени здесь, в его родном городе, нападало не него такое сильное чувство. Здесь все так переполнено мучительными воспоминаниями. Мелкими, узкими соображениями и глупыми, близорукими мнениями, которые жгли. Странная, больная язва, будто треснул какая-то открытая опухоль где-то в брюхе. Бесчисленные обвинения обрушивались на него, гнали его дальше под тяжестью беспокойных мыслей... По дороге к широкой цели, где только бедность сопутствовала ему в серый, безнадежный сумрак. В такие мгновения он чувствовал, что на нем тяжело почиет лицо города. Весьма точно он знал его мнение. Разрешенное и старое мнение о его личности. И ясно он видел свое безнадежное положение. (Mathiesen 1903, 1)

Пока речь шла о раннем этапе знакомства норвежской публики с творчеством русского писателя. А что дальше? Жизненный путь авторов 1922 года шли по разным направлениям. Лектор Гран продолжал свою педагогическую деятельность и со временем стал специалистом по заочному обучению молодежи, а также опытным переводчиком русской литературы. А Эрик Краг стал магистром, потом доктором и с 1946 г. профессором русской литературы в Осло. В 1962 г. вышла его книга о Достоевском – не биография, а исследование всего творчества писателя. Появление этой книги было встречено с оживленным интересом читающей публикой страны и привело к заметному повышению интереса к Достоевскому. Можно утверждать, что почва была хорошо подготовлена для восприятия второго издания *Проблем поэтики Достоевского* Михаила Бахтина, увидевшего свет годом позже исследования Крага. Особенно плодотворным (хотя и спорным) оказалось положение Бахтина о полифоничности художественного мира Достоевского, которое дало толчок к новым прочтениям произведений не только Достоевского, но и многих других – в первую очередь отечественных – писателей.

С работ Крага и Бахтина берет свое начало новый этап занятия Достоевским в Норвегии, самым ценным плодом которого можно считать полное собрание сочинений в 29 т., изданное в 1990–1994 гг.

Библиография

- Достоевский, Ф. М. 1973. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 6. Ленинград: Наука.
- Gran, Martin. 1922. *Dostojevskis ungdomsverker*. Kristiania: Gyldendal.
- Krag, Erik. 1922. *Ottar Wreike*. Kristiania: Gyldendal.
- Krag, Erik. 1923. «Sigurd Mathisen». *Akademisk tidsskrift 1*.
- Mathiesen, Sigurd. 1903. *Hide Unas*. København.: Det nordiske Forlag.

Summary

This article explores two Norwegian publications related to Dostoevskij, both of which were published in 1922. In his doctoral dissertation, Martin Gran, who was the first scholar in Norway to defend a dissertation in the field of Slavic studies, discussed the works of the young Dostoevskij. The second publication under scrutiny is Erik Krag's novel Ottar Wreike, which shows influence from Dostoevskij's Raskol'nikov.

author: Erik Egeberg
affiliation: UiT, The Arctic University of Norway
email: erik.egeberg@uit.no